

Колокола академии Инчуань пробили утренний час. Их гулкий, протяжный звон, словно невидимая рука, разом разорвал дымку, окутывавшую белые стены и синюю черепицу крыш. Встрепенувшись, стайка воробьев, ютившихся под карнизом, с шумом вспорхнула вверх, чертя в предрассветных сумерках тревожные тени. Цзян И открыл глаза под этот знакомый, чистый перезвон. За окном небо едва начало светлеть, окрашиваясь в цвет рыбьего брюха, а очертания далеких гор оставались смутными и неясными. С того дня, как он решил задержаться в Инчуане, прошло уже больше полумесяца. Он жил здесь, слушая лекции в прославленной академии: вставал с колоколом, ложился с луной, погружаясь в густую атмосферу учености и предчувствия, как вот-вот изменится русло истории.

— Цзян, проснулся? — за дверью раздался ясный голос Сюй Шу, в котором сквозила едва уловимая торопливость. — Сегодня господин Сюнь читает Чуньцю, нельзя опаздывать. Он превыше всего ценит пунктуальность.

Цзян И вздрогнул и быстро сел на кровати. Жизнь в академии оказалась куда более напряженной, чем он предполагал, — почти суровой. Едва забрезжит свет, нужно спешить в лекционный зал, чтобы внимать наставлениям великого мудреца, и зачастую занятия длились до самого заката, когда в небе уже проступал серп луны. Будучи вольнослушателем, не прошедшим обряда посвящения, он был вынужден смиренно стоять в самом конце зала, прислонившись к холодной каменной колонне. Но ничто не могло умерить его жажду знаний. Каждая лекция была ключом к пониманию пульса этой эпохи, способом влиться в нее и найти свое место.

— Иду! — отозвался он и проворно собрал волосы в тугий узел, накинув длинный халат из грубого темно-синего льна.

Кончики пальцев скользнули по плотным швам, и на душе стало тепло. Эту одежду несколько дней назад передала ему Цай Янь — в знак благодарности за помощь раненым в той деревне. Ткань была простая, не шелк и не парча, но сшито все было добротнo, с большим вниманием к деталям. На манжетах и воротнике нитями того же цвета была вышита простая узорная облачность, и халат сидел удобно, придавая его облику сдержанную интеллигентность, которая как нельзя лучше вписывалась в академическую среду.

В лекционном зале уже собралось несколько десятков учеников. Воздух был напоен ароматом туши, свежестью бамбуковых свитков и той особой энергией, что присуща юности. Четкое разделение мест безмолвно свидетельствовало о сословном неравенстве: в первом ряду сидели отпрыски знатных семейств в парчовых одеждах с нефритовыми украшениями, их лица выражали то высокомерие, то сосредоточенность. Позади них теснились выходцы из бедных семей в простых льняных халатах, их глаза, полные жадного интереса, были прикованы к кафедре. Цзян И давно привык к своему месту и покорно встал у последней колонны. Отсюда фигура наставника виделась лишь смутным силуэтом, но, к счастью, голос господина Сюнь Шуана был громок и отчетлив, каждое слово долетало до слуха.

— Господин Цзян.

Тихий, нежный, словно весенний ветерок, женский голос раздался у него за спиной.

Цзян И, слегка удивленный, обернулся и увидел Цай Янь. Она стояла в тени колонны, облаченная в скромное платье цвета лунного света, которое подчеркивало белизну ее кожи. В руках она держала несколько свитков, обернутых в синюю ткань. В академии действовало строгое правило: женщинам вход воспрещен, но отец Цай Янь, Цай Юн, был знаменит на всю Поднебесную, а о талантах его дочери судачили все ученые мужи Инчуаня. Господин Сюнь Шуан сделал для нее исключение, позволив присутствовать на занятиях.

— Госпожа Цай тоже пришла на лекцию? — Цзян И понизил голос, оглядываясь, чтобы никто не заметил их в углу.

Цай Янь слегка кивнула, в ее глазах мерцала жажда знаний:

— Господин Сюнь — великий ученый нашего времени. Его толкования канонов бесценны, нельзя пропустить ни слова.

Она сделала шаг вперед и протянула ему один из свитков:

— Мой отец, когда служил в библиотеке Дунгуань, собственноручно комментировал некоторые главы Цзо чжуань. Это тесно связано с сегодняшней лекцией по Чуньцю о том, как Чжэн-бо победил Дуаня в Янь. Возможно, вам пригодится.

Цзян И почувствовал прилив благодарности. Он уже хотел взять свиток и поблагодарить, как в лекционном зале воцарилась торжественная тишина — слышно было, как падает игла. На кафедру неспешно поднялся старец с седыми волосами и бородой, в простом темном халате ученого. Это был Сюнь Шуан, прозванный великим мудрецом. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, его взгляд был пронизателен и ясен, в каждом движении чувствовалась глубокая мудрость и достоинство. Он не спешил начинать, медленно обводя взглядом учеников. Невидимое давление заставило всех выпрямить спины.

— Сегодня мы разберем первый год правления Инь-гуна из Чуньцю, о том, как Чжэн-бо победил Дуаня в Янь... — голос Сюнь Шуана, звучный и четкий, словно удар металла о камень, пронзил тишину зала.

Цзян И мгновенно собрался. Он слушал, сверяя слова наставника с комментариями Цай Юна, и каждое разъяснение Сюнь Шуана врезалось ему в память. Наставник рассказывал не только о том, как из-за материнской любви У Цзян к младшему сыну возник раздор между правителем Чжэн и его братом, приведший к братоубийственной войне. Он глубоко анализировал корень этой трагедии: отсутствие законного порядка, крах ритуалов и этическую катастрофу, порожденную эгоизмом. Сюнь Шуан приводил цитаты, мастерски препарируя смысл слова победил, указывая на осуждение междоусобной распри и напоминая древнюю истину: кто творит зло, тот сам себя погубит.

Слушая, Цзян И невольно задумался о грядущей буре. Разве борьба за власть в конце эпохи Хань — не такая же великая междоусобная война? Двор и провинции, кланы и евнухи, враждующие военачальники — все они движимы лишь амбициями и жаждой власти.

— ...Потому глубокий смысл Чунью прежде всего в том, чтобы утвердить законный порядок! — голос Сюнь Шуана вдруг взлетел вверх, заставив сердца слушателей дрогнуть. — Если имя не соответствует сути, то слова не имеют веса; если слова не имеют веса, дела не вершатся; если дела не вершатся, ритуалы и музыка приходят в упадок; если ритуалы в упадке, наказания несправедливы; если наказания несправедливы, народ не знает, куда приложить руки! Когда порядок утвержден, человеческие отношения обретают стройность, а в Поднебесной воцаряется мир. Глядя на историю правителя Чжэн, разве не стоит нам скорбеть? Разве не стоит нам остерегаться?

Этот веский вывод погрузил зал в долгое молчание. Ученики были поглощены тяжестью наставлений мудреца и размышлениями об истории. Цзян И ощутил, как по спине пробежал холодок: подчеркнутое Сюнь Шуаном утверждение порядка станет главным оружием в руках всех сил, рвущихся к власти в грядущем хаосе, и источником неисчислимых бед.

После занятий, когда солнце стояло в зените, беседка в саду академии превратилась в место столкновения мнений. Цзян И, Сюй Шу, Си Чжицай и несколько знакомых учеников собрались там. Ласковый весенний свет пробивался сквозь молодые побеги ив, рисуя на земле причудливые тени, а ветерок приносил свежий аромат трав.

— То, о чем говорил сегодня господин Сюнь, бьет точно в цель, — первым нарушил молчание Сюй Шу. Он привычно постукивал пальцами по краю каменного стола, нахмурившись. — Имя не соответствует сути, слова не имеют веса — как верно сказано! Нынче в Поднебесной таких, у кого слова расходятся с делом, пруд пруди.

Си Чжицай, плотнее закутавшись в старый халат, выглядел еще бледнее обычного. Он коротко кашлянул, и его голос, хотя и слабый, прозвучал необычайно остро:

— Пруд пруди? Да это же сплошное извращение истины! Во дворце эти евнухи из десяти постоянных прислужников — что они из себя представляют? Простые слуги, а осмелились узурпировать власть, ослеплять императора и сеять смуту в государстве! Разве это не высшее проявление разрыва между именем и сутью?

Его возбуждение вызвало новый приступ кашля, от которого затряслись худые плечи. Цзян И поспешил достать из сумки бамбуковую трубку, вынул пробку и налил в чашку коричневатый отвар с тонким ароматом трав.

— Брат Чжицай, выпейте горячего чаю, станет легче. Я составил этот сбор по древним рецептам: здесь колокольчик, солодка, листья периллы и немного меда. Это хорошо помогает от кашля и стеснения в груди. Попробуйте.

Си Чжицай с благодарностью посмотрел на Цзян И, взял чашку и осторожно отпил. Теплая жидкость скользнула в горло — сначала чуть горьковатая, затем сладкая, а по груди разлилась приятная прохлада. Назойливый кашель действительно отступил. Он глубоко вздохнул и расправил плечи:

— Брат Цзян, вы настоящий мастер! Этот чай — сначала горечь, потом сладость, а внутри все будто очистилось. Ваше искусство врачевания вызывает восхищение.

— Кстати об искусстве врачевания, — в глазах Сюй Шу вспыхнул любопытство. — В тот день в деревне ваши приемы были такими четкими и быстрыми, а инструменты и повязки — совсем не такими, как у обычных лекарей. У кого вы учились? Чьей школы придерживаетесь?

Цзян И был готов к этому вопросу. Он невозмутимо ответил:

— Не стану скрывать, брат Юаньчжи. Мои знания — это сплав местных методов островов Ичжоу и медицины Юэ из Цзяочжоу. Жители Ичжоу часто страдают от ран и укусов насекомых, поэтому они уделяют огромное внимание чистоте: промывают раны кипятком или крепким вином, чтобы предотвратить заражение. А лекари Юэ, живущие в краях, где много болезней, знают толк в травах и умеют лечить как внутренние, так и внешние недуги.

— Вот как? Сплав заморских и южных знаний? Чудесно! — Си Чжицай, несмотря на слабость, живо отреагировал на услышанное. — В Чжунъюане лекари больше смотрят на пульс, меридианы и гармонию инь и ян, а к наружным ранам относятся небрежно: наложат мазь и считают, что дело сделано, редко задумываясь о чистоте самой раны. Ваш подход, брат Цзян, открывает новые пути и весьма практичен.

— Брат Чжицай прав, — Цзян И воспользовался моментом, чтобы внедрить некоторые идеи современной медицины языком, понятным людям той эпохи. — На самом деле, внешнее и внутреннее — одно целое. Если рана грязная, никакие снадобья не помогут, это все равно что чесать через сапог. Снаружи может затянуться, а внутри начнется гниение. И наоборот, если внутри нет гармонии, никакая рана не заживет как следует. Нужно лечить и корень, и ветви.

Цай Янь, до этого тихо сидевшая в стороне, вдруг подала голос. Ее слова прозвучали чисто, как звон ручья о камни:

— Ваши рассуждения, господин Цзян, глубоко верны. Мой отец в Лояне, разбирая древние свитки, находил обрывки Хуан-ди вай цзин, и некоторые описанные там методы во многом схожи с тем, что вы сейчас сказали.

— Хуан-ди вай цзин?! — Цзян И был поражен. Этот священный медицинский трактат, считавшийся утраченным, существовал в виде фрагментов? Если бы он мог увидеть их, это было бы неоценимым подспорьем для внедрения эффективных методов в эпоху, где медицина была столь примитивна. Его сердце забилося чаще, он с жаром посмотрел на девушку: — Госпожа Цай, это правда? Разве эта книга не сгорела в огне великих бедствий?

Цай Янь кивнула, в ее глазах промелькнула грусть:

— Увы, лишь несколько обрывков с почти стершимися письменами. Отец подтверждал, что там описывались методы, которые я нигде больше не встречала: например, сшивание плоти

шелковыми нитями или промывание гноящихся ран особыми составами. Жаль, что от бывшего величия остались лишь крохи.

В беседке наступила тишина. Сюй Шу, заметив это, решил перевести тему:

— Кстати, из Цзичжоу пришли тревожные вести. Говорят, Чжан Цзяо тяжело болен, не встает с постели. Мятежники Желтых повязок пали духом, в их рядах разлад.

Цзян И вздрогнул. Колесо истории катилось по намеченному пути. Он знал: Чжан Цзяо, великий учитель Пути Великого Благоденствия, действительно умрет в первом году Чжунпин (184 г. н.э.). После его смерти армия Желтых повязок, лишившись единого лидера, быстро распадется и будет разбита правительственными войсками.

Он подавил волнение и, сохраняя спокойствие, спросил:

— Вести надежны? Смерть Чжан Цзяо — дело нешуточное.

— Должно быть, правда, — серьезно ответил Сюй Шу. — Торговцы тканями, часто бывающие в Цзичжоу, видели панику в лагерях повстанцев.

Цзян И решил еще больше укрепить свой образ прозорливого человека в глазах этих будущих мудрецов:

— Если Чжан Цзяо умрет, это лучший момент для двора, чтобы покончить с Желтыми повязками. Я уверен, что императорский двор заставит Лу Чжи усилить натиск на Гуанцзун, а Хуанфу Сун и Чжу Цзюнь двинутся с севера, чтобы взять остатки мятежников в кольцо. Такая мощь сокрушит восстание за полгода!

Си Чжицай удивленно посмотрел на него:

— Брат Цзян, почему вы так уверены? Мятежников все еще много, разве их можно так быстро усмирить?

Цзян И ответил твердо:

— Чжан Цзяо для них — не просто вождь, а духовный символ. Как только он умрет, миф о том, что синее небо пало и должно взойти желтое, рухнет. Верующие потеряют опору. К тому же, приближается сбор урожая, казна пуста, двору нужны деньги и порядок. Быстрая победа — в их интересах.

— Высокие слова, господин Цзян, проницательный взгляд, — раздался за спиной вкрадчивый голос.

Все обернулись. Из-за искусственных скал вышел Цзя Цюй. Он выглядел худощавым, в выцветшем халате, с вечно загадочной полуулыбкой на лице.

— Брат Вэньхэ, когда вы успели подойти? — рассмеялся Сюй Шу.

Цзя Цюй кивнул, его взгляд впился в Цзян И:

— Желтые повязки будут подавлены, как вы и сказали. Но вот Поднебесная... боюсь, мира не увидит.

Цзян И напрягся. Цзя Цюй! Будущий мастер интриг, чей ядовитый ум предвидел опасность там, где другие видели лишь победу.

— Что вы имеете в виду? — спросил Сюй Шу.

Цзя Цюй неспешно сел на каменный стул:

— Восстание — это лишь симптом болезни нашего государства. Чтобы подавить его, двор вынужден полагаться на местных правителей и сильных мира сего. Подумайте, после этого они, держа в руках войска и укрепив свои силы под предлогом защиты народа, станут неуправляемыми. Разве сможет двор ими командовать? — он снова посмотрел на Цзян И. — В Поднебесной поднимается ветер. И теперь вопрос лишь в том, найдется ли тот, кто увидит бурю еще в ее начале и подготовится к ней.

Цзян И почувствовал, как пронзительный взгляд Цзя Цюя будто заглянул ему в душу. Он решил сменить тему:

— Вэньхэ, вы глубоко зрите. Но как бы ни менялась власть, больше всего страдает народ. Мы, ученые, можем, и не изменим мир, но должны хотя бы попытаться спасти жизни. Врачевание и гуманность мудреца — по сути одно и то же.

— Ваше сердце благородно, господин Цзян, — в глазах Цай Янь светилось восхищение.

После обеда Цзян И, отказавшись от предложения Сюй Шу выпить вина на рынке, в одиночку отправился к книгохранилищу. Как вольнослушатель, он не имел туда доступа, но старый сторож был ему обязан жизнью внука, которого Цзян И выходил после болезни. Старик, сияя, открыл тяжелую дверь:

— Господин Цзян, проходите, только ничего не повредите.

Внутри было темно и тихо, лишь лучи солнца пробивались сквозь узкие окна, освещая пылинки. Пахло старым бамбуком и лекарственными травами. Цзян И осторожно шел между

стеллажами, касаясь пальцами свитков. Он остановился в секции медицины.

— Хуан-ди нэй цзин, Шэнь-нун бэньцао цзин... — шептал он названия священных книг.

— Вы так увлечены, что забыли обо всем, — раздался нежный голос.

Цай Янь стояла с масляной лампой в руках.

— Госпожа Цай? Вы тоже здесь?

Она улыбнулась:

— Я не видела вас в столовой, сторож сказал, что вы здесь. Наверное, забыли поесть? — она достала сверток. — Вот, возьмите, еще теплые лепешки из проса.

Цзян И почувствовал, как по телу разлилось тепло. В этом чужом и опасном мире такая забота была бесценна.

— Спасибо, госпожа Цай.

Она подошла ближе, ее пальцы коснулись свитков:

— Что вы ищете? Книги по лечению внешних ран?

— Да. В тот день я понял, что моих знаний не хватает для серьезных случаев.

Цай Янь задумалась:

— Мой отец говорил, что в округе Цяо есть человек по имени Хуа То, прозванный Юаньхуа. Он мастер хирургии, говорят, может даже вскрывать плоть, чтобы очистить внутренности. Отец очень его уважал, но Хуа То — человек вольный, вечно странствует, его трудно найти.

Хуа То! У Цзян И загорелись глаза. Если найти его, это будет невероятная удача!

— Вы не знаете, где он сейчас?

Цай Янь покачала головой:

— В прошлом году его видели в Цяо, но с тех пор много времени прошло... — она замолчала,

глядя на полку, и вытянула старый свиток. — Зато здесь есть Медицинский трактат о лечении золотых ран. Там описаны методы остановки кровотечения и сшивания ран. Может, это поможет вам?

Двое уселись на каменных ступенях рядом с масляной лампой, разложив между собой свиток Медицинского трактата о лечении золотых ран. В полумраке буквы на бамбуковых планках казались неясными. Цзян И придвинулся ближе, чтобы лучше разглядеть текст, а Цай Янь, словно по молчаливому согласию, пододвинула лампу. Теплый золотистый свет окутал их обоих и древний медицинский манускрипт. Цай Янь тихо читала вслух, а когда встречались особенно сложные или плохо сохранившиеся фрагменты, дополняла их своими знаниями. Ее голос, чистый и мягкий, эхом отдавался в тишине книгохранилища.

Цзян И слушал и все больше поражался. Глубина познаний Цай Янь и ее проницательность превосходили все его ожидания. Она не просто прекрасно разбиралась в филологии и толковании древних текстов — ее понимание медицины было поистине глубоким. Она умела видеть целое в деталях, проводя параллели между, казалось бы, разрозненными знаниями. Она связывала рецепты кровоостанавливающих средств из свитка с природой и свойствами трав из Канона корней и трав Шэнь-нуна, а простую технику наложения швов поясняла через понимание анатомического строения человеческих мышц и кожи. Ее мышление было ясным и логичным, а медицинская эрудиция выходила далеко за рамки того, что принято называть поверхностными знаниями благородных девиц.

— Ваши познания в медицине поистине глубоки, сударыня Цай, это вызывает искреннее восхищение, — от души похвалил ее Цзян И, но тут же не удержался от вопроса: — С вашим талантом, почему тогда в тот день в деревне, столкнувшись с ранеными, вы... — едва произнеся это, он понял, что задал бестактный вопрос, и умолк.

Цай Янь не рассердилась. Напротив, на ее лице появилась искренняя, горькая усмешка, и она прямо ответила:

— Господин Цзян хочет спросить, почему я тогда оказалась столь беспомощной? — она легонько провела пальцами по холодным насечкам на бамбуке и насмешливо покачала головой. — Все это лишь пустые разговоры на бумаге. Сколько бы книг ты ни прочел, сколько бы рецептов ни заучил наизусть, все это остается мертвым знанием. Если бы в тот день не было вас, если бы вы не проявили решимость, спасая жизнь раненому, и не применили тот удивительный метод очистки и ушивания ран, я бы, наверное, растерялась, обрабатывая даже самую пустяковую царапину, не говоря уже о столь серьезных увечьях. Прочесть десять тысяч томов не значит получить один реальный опыт. Это непреложная истина.

В ее ясных глазах читалось не только трезвое осознание собственных слабостей, но и жажда практических знаний.

— Вы слишком скромны, сударыня! — поспешно возразил Цзян И, и голос его звучал предельно искренне. — Ваше глубокое знание медицинской теории и понимание сочетаемости лекарственных средств стали для меня огромным подспорьем. Без ваших пояснений я бы потратил втрое больше усилий на изучение этого трактата, и еще неизвестно, смог бы я

постичь его суть. Ваши знания — это фундамент, это маяк.

Незаметно солнечный свет, падавший из окна, сменил оттенок: ослепительная белизна сменилась теплым золотом. Пылинки, танцующие в луче света, казались крошечными духами, отбрасывающими на пол длинные причудливые тени. Они настолько погрузились в обсуждение, что потеряли счет времени. Цзян И с удивлением обнаружил, что кругозор Цай Янь не ограничивается одной медициной. Обсуждая связь заживления ран с временами года, она легко цитировала наставления о влиянии энергий четырех сезонов на человеческое тело из Записок о ритуале. Когда в свитке заходила речь об обработке боевых ран, она проводила параллели с Искусством войны Сунь-цзы, рассуждая о том, почему иногда нужно оставить врагу путь к отступлению, чтобы сберечь жизни. Ее эрудиция напоминала бездонную сокровищницу, где нашлось место всему: классике, истории, астрономии, календарным расчетам и военным стратегиям.

— Сударыня Цай, вы воистину... необычайно образованны, вы не уступаете любому мужчине!
— снова не сдержал восхищения Цзян И.

Однако эта похвала внезапно погасила свет в глазах Цай Янь, на лицо ее легла тень невыразимой печали. Она опустила взгляд, и длинные ресницы отбросили тень на щеки.

— Вы слишком добры ко мне, господин Цзян, — прошептала она, словно вздохнув. — Для женщины чтение книг — лишь праздное времяпрепровождение в стенах дома. Сколько бы ты ни читала, как бы много ни знала, что толку? В конечном счете... в конечном счете придется следовать воле родителей и словам свах, выйти замуж, прислуживать мужу и его родителям, растить детей. Все эти познания, вся эта мудрость — лишь украшение для семейного порога или пища для бесед при воспитании потомства.

В ее словах сквозила безысходность и нежелание мириться с судьбой, уготованной женщинам той эпохи. Цзян И смотрел на ее опущенный профиль, на напряженную линию подбородка, выдававшую скрытую внутреннюю силу и боль. Ему хотелось сказать, что женщина тоже способна на многое, что такой талант не должен быть погребен, но слова застревали в горле. В эту эпоху каноны и правила были подобны железной стене, и даже такая одаренная женщина, как Цай Янь, не могла вырваться из невидимых оков. Разве ее отец, великий ученый Цай Юн, не твердил постоянно, что отсутствие таланта у женщины — это и есть добродетель?

— Сударыня Цай... — начал было Цзян И, но запнулся.

Цай Янь подняла голову и посмотрела прямо на него. В ее ясных, как осенняя вода, глазах светилась невиданная доселе серьезность, словно она пыталась заглянуть в самую его душу.

— Господин Цзян, скажите... что вы думаете о женской учености? Неужели женщина действительно обречена всю жизнь провести в четырех стенах, занимаясь лишь домом и детьми?

Этот внезапный, бьющий в самое сердце эпохи вопрос потряс Цзян И. Встретившись с ее

жгучим взглядом, он, почти не раздумывая, высказал самое сокровенное:

— Разве талант и мудрость зависят от пола?! Небо, создавая людей, наделяет их разумом, и в этом нет никакой разницы между мужчиной и женщиной! Ваши знания, ваше видение и широта души в сотни раз превосходят многих пустословов, что называют себя мужчинами! Если бы они оказались перед вами, им оставалось бы только стыдливо закрыть лица руками. Если такой талант, как ваш, не находит применения лишь потому, что вы женщина — это потеря для всего мира, а не ваша вина!

Цзян И говорил твердо и от всего сердца. Но, договорив, он тут же осознал, насколько крамольно звучат эти слова в нынешнее время, и поспешно добавил:

— Это лишь мое личное мнение, сложившееся из того, что я видел и слышал на далеком острове Ичжоу. Там женщины могут управлять делами, заниматься рыболовством и земледелием и даже участвовать в советах племени. Возможно... это не похоже на обычаи Срединного государства, прошу вас, не судите строго.

Цай Янь молча слушала, не перебивая и не выказывая удивления или неприязни. Она лишь смотрела на него пристально, глубоко, словно желая навсегда запечатлеть в памяти его выражение лица и ту искренность, в которой не было ни капли притворства. Спустя долгое время она едва слышно прошептала, словно сама себе:

— Женщины управляют делами, участвуют в советах... Неужели за морем и впрямь существует такой мир?

Ее взгляд стал сложным — в нем смешались тоска, смятение и отблеск потрясения от того, что ее наконец поняли. Наконец, уголки ее губ дрогнули в едва заметной, но светлой улыбке, словно тучи разошлись, открыв луну. Голос ее прозвучал мягко, но в нем слышалась странная сила:

— Господин Цзян... вы действительно... отличаетесь от других.

Когда они подняли головы от медицинских записей, за окном уже сгущались сумерки. В книгохранилище стало совсем темно, лишь маленькая масляная лампа, принесенная Цай Янь, продолжала упрямо излучать слабый, теплый свет. Они убрали бамбуковые свитки на места и вместе вышли из здания.

В академии почти не было людей, дневная суeta улеглась, и лишь эхо вечернего барабана разносилось по пустым дворам. В окнах учебных корпусов мерцали тусклые огни, освещая вымощенные камнем дорожки. Вечерний ветерок принес прохладу, теребя полы их одежд.

— Сегодняшняя беседа с вами принесла мне больше пользы, чем десять лекций, — тихо сказала Цай Янь, остановившись перед входом в библиотеку.

— Для меня тоже было честью читать с вами медицинские трактаты, — Цзян И почтительно поклонился. — Сударыня, ступайте скорее отдыхать.

Цай Янь кивнула, но не ушла. Она подняла свою маленькую лампу, огонек которой дрожал в сгущающихся сумерках, словно теплая звезда.

— Господин Цзян, путь впереди темный, позвольте этой лампе осветить вам дорогу.

Сказав это, она приподняла подол платья и решительно зашагала впереди, освещая своим слабым, но верным светом путь Цзян И по каменным плитам. Колеблющийся огонек вытягивал ее тонкую фигуру, бросая длинную тень на древнюю стену и отражаясь в глазах Цзян И сложным, трудноразличимым светом.

<http://bllate.org/book/18471/1771461>